

ким образом и в Элладе создано гражданство из переселившихся туда латинцев, а рыцари и бароны в это же время превратились в феодальных владельцев городов, с которых и собирали в свою пользу доходы, поскольку на таковые не распространялись права фиска.

Феодализм в силу ленного начала, заложенного в его основу, стоял в резком противоречии с муниципальными вольностями: ведь в ленном или феодальном государстве все политические права обосновываются поземельным владением — это последнее создает собственнику определенное положение в государстве, а ленные обязанности составляют ту цепь, на которой держится вся тимократическая система.

Именно в Греции, где города, за немногими исключениями, обеднели и дошли до упадка, западные бароны в качестве завоевателей и должны были найти истинное для себя Эльдorado. Здесь против церковного и светского ленного строя гражданство не выступало с протестами, ибо горожане не обладали зажиточностью и самосознанием, как во Фландрии и Франции или Италии и Германии.

Подавление греческого народа франками тем более облегчено было в Аттике и других эллинских провинциях, что при вторжении франков едва ли там можно было насчитать сколько-нибудь выдающиеся патрицианские роды. А если где и удержались отпрыски знатных фамилий, то они с течением времени исчезали. Поэтому за всю эпоху иноземного владычества ни в Фивах, ни в Афинах нельзя назвать ни единого греческого вельможи или значительного гражданина. В обоих главных городах Афинского государства, которым придавали особенное военное значение их акрополи, первый же мегаскир поставил фохтов, предоставив им права юрисдикции.

Под 1212 г. упоминается фиванский кастеллан, который по случаю какого-то спора между фиванской и цараторийской диоцезиями проник в сообществе с фиванским настоятелем собора и ми-